

УДК 343
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0904-0097

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И ВЫЗОВАХ СОВРЕМЕННОСТИ

© 2020

Корчагин Анатолий Георгиевич, кандидат юридических наук, профессор,
кафедра уголовно-правовых дисциплин

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя 41, e-mail: iakovenko.aa@students.dvfu.ru)

SPIN: 8003-0674

AuthorID: 1014170

ORCID: 0000-0003-0337-8298

Яковенко Андрей Александрович, ассистент, кафедра конкурентного
и предпринимательского права

Дальневосточный федеральный университет
(690091, Россия, Владивосток, ул. Суханова, 8, e-mail: iakovenko.aa@students.dvfu.ru)

Аннотация. Глобальная цифровизация задает новые требования, в частности, сочетания юридических и технических регуляторов, без которых не получится добиться адекватного правового регулирования в цифровую эпоху. В настоящей статье, на примере уголовного процесса, рассматривается возможность и необходимости интеграции классических юридических институтов и цифровой среды. Анализируется, выдвинутая в отечественной юридической доктрине, идея отказа от роли следователя в уголовном процессе Российской Федерации, рассматриваются существующие примеры практического использования цифровых технологий в юридической деятельности. Предметом исследования является отечественная и зарубежная юридическая доктрина, посвященная вопросам цифровизации и практики применения информационных технологий в юридической деятельности, а также уголовно-правовых институтов. В работе были использованы следующие методы научного исследования: статистический; догматический; сравнительно-правовой; синергетический, а также логический, функциональный, системный. Новизна исследования обусловлена необходимостью сближения правовой и информационной системы в период стремительного процесса цифровизации всех сфер общества. Авторы приходят к выводу, что новые технологические решения безусловно могут и будут становиться неотъемлемыми вспомогательными решениями в юридической деятельности, однако, на сегодняшний день уровень развития технологий не позволяет полностью заменить человека, технологией.

Ключевые слова: цифровизация, интеграция, искусственный интеллект, блокчейн, принципы права, уголовный процесс, следователь, участники процесса, доказательство, доказывание.

TO THE QUESTION OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CRIMINAL POLICY AND THE CHALLENGES OF OUR TIME

© 2020

Korchagin Anatoly Georgiyevich, PhD in Law, Professor, Department
of Criminal Law Disciplines

Vladivostok State University of Economics and Service
(690014, Russia, Vladivostok, Gogol Street 41, e-mail: iakovenko.aa@students.dvfu.ru)

Yakovenko Andrey Alexandrovich, assistant, department of competition
and business law

Far Eastern Federal University
(690091, Russia, Vladivostok, 8 Sukhanov Street, e-mail: iakovenko.aa@students.dvfu.ru)

Abstract. Global digitalization is creating new requirements, in particular a combination of legal and technical regulators, without which adequate legal regulation in the digital age will not be achieved. This article explores the possibility and necessity of integrating classical legal institutions and the digital environment, using the example of criminal proceedings. The idea of renunciation of the role of an investigator in criminal proceedings in the Russian Federation, put forward in the domestic legal doctrine, is analyzed; the existing examples of practical use of digital technologies in legal activity are considered. The subject of the study is the domestic and foreign legal doctrine devoted to the issues of digitalization and practice of application of information technologies in legal activity, as well as criminal law institutions. The following methods of scientific research have been used in this work: statistical; dogmatic; comparative legal; synergetic, as well as logical, functional, and systemic. The novelty of the study is due to the need to bring together the legal and information system during the rapid process of digitalization of all spheres of society. The authors come to the conclusion that new technological solutions can and will certainly become indispensable auxiliary solutions in legal activity, however, today the level of technology development does not allow to fully replace man, technology.

Keywords: digitalization, integration, artificial intelligence, blockchain, principles of law, criminal procedure, investigator, participants in the process, evidence, proof.

ВВЕДЕНИЕ.

Актуальность исследования обусловлена сложностью инновационных технологических решений, а цель необходимостью показать неспособность двух систем: цифровой и правовой к оперативной интеграции. Появление новых цифровых решений, направленных на улучшение качества жизни общества, начинает конкурировать с традиционными государственными институтами. Помимо такой конкуренции мы также наблюдаем неспособность создаваемых феноменов найти свое в месте в существующей системе, следовательно они практически не поддаются регулированию.

МЕТОДОЛОГИЯ.

Используемый в статье комплекс методов обуслов-

лен целью исследовательской деятельности. В процессе написания работы авторы применяли как общенаучные, так специальные методы: диалектический, системный, логический, формально-юридический и другие.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

В отличие от России в ЕС принято понимать уголовное право, как совокупность норм материального уголовного права в собственном смысле слова и процессуального права (уголовного процесса). Соответственно, термин уголовный процесс часто переводится на русский язык как «уголовно правовой», который охватывает одновременно и определение преступности деяния и соответствующих наказаний, и процедур привлечения к ответственности за их совершение. Эволюцию компе-

тенции ЕС в области уголовного процесса невозможно рассматривать в отрыве от других аспектов формирования и развития европейского правосудия. При этом наиболее тесная взаимосвязь рассматривается в понимании европейской правовой доктрины к материальному и процессуальному праву.

Полагаем, что именно тип уголовного процесса влияет на основные институты судопроизводства: обвинение и защита осуществляемые государством - в лице компетентных органов, а общества - в лице адвокатуры [1]. Состязательный процесс предполагает полное равенство сторон, которое более присуще англо-саксонской системе правосудия, а противостоит ему розыскной тип правосудия, в котором орган уголовного преследования в лице следствия и прокуратуры концентрирует одновременно полномочия судебного характера связанные, с принятием решения по делу [2].

В России на данном этапе развития состязательный тип судопроизводства рассматривается как основной принцип развития процессуальных отраслей права. Что касается уголовно-процессуальной отрасли права, необходимо обратить внимание на современное понимание принципа состязательности, а именно: в части определения процессуального положения судьи, возможности усиления его влияния на создание необходимых условий для полного соблюдения процессуальных прав участников уголовного судопроизводства [3], а также вопрос обоснованности закрепления принципа состязательности в качестве нормативного установления для всех стадий уголовного судопроизводства.

Состязательный уголовный процесс предполагает наличие равного объема прав как у обвинения, так и у защиты. Предполагается, что сторона обвинения представляет суду доказательства виновности подсудимого, а сторона защиты в рамках правового поля опровергает доводы обвинения.

Говоря о состязательности, необходимо обеспечить право стороны защиты представлять суду доказательства на равных условиях со стороной обвинения. Однако, данное право для защиты не может быть вменено в обязанность. Роль суда – производить только оценку доказательств без фактического участия в их сборе. В том случае, когда суд самостоятельно начинает процесс сбора доказательств, то так или иначе он становится «на позицию одной из сторон». Стоит обратить внимание на то, что мировая практика свидетельствует о том, что суд начинает подменять следствие, указанное приводит к потере принципов объективности и беспристрастности [3]. Считается, что новизна УПК РФ заключается в наделении адвоката правом опрашивать граждан с их согласия. Самое важное – сведения, которые были получены в результате опроса, могут быть признаны доказательствами только после того, как опрошенный будет допрошен в качестве свидетеля и повторит эти сведения на допросе. А допрашивать его или нет, решает следователь или суд. Права и возможности, которые есть у обвинения, но отсутствуют у защиты для минимизации дисбаланса могут и должны быть уравновешены «необходимо восстановить обязанность следователя собирать доказательства и оправдывающее обвиняемого» [4].

Самой важной новеллой ЕС можно считать введение новой правовой категории, а именно: «трансграничный потерпевший» - гражданина ЕС, который становится жертвой преступления в государстве отличающимся от места проживания. Отмечается, что в ЕС в следствии принятия директивы «О правах потерпевших», которая считается одним из существенных этапов расширения принципа состязательности, произошло увеличение прав и гарантий потерпевших. К основным гарантиям предоставляемым потерпевшим со стороны государств [2], относятся возмещение ущерба потерпевшим от преступлений, психологическая помощь и защита, доступ к информации о ходе дела, о правах потерпевших и возможности их участия в рассмотрении дела, а также ши-

рокие гарантии мер специальной защиты.

Необходимо отметить, что за прошедшие годы Российское предварительное следствие избежало глобальной перестройки, которое бы выразилось во внедрении принципиально иной модели построения и функционирования всего следственного аппарата – возрождение «судебного следователя», находящегося в составе судебного ведомства [5]. В функциональном смысле предварительное следствие и дознание имеют квазисудебный характер, включая в свою ткань фактически юрисдикционные по природе решения - скажем решение о прекращении уголовного дела вправе вынести как следователь, так и дознаватель без вмешательства судьи. В институциональном смысле обе формы расследования остаются видами полицейской деятельности, что касается как предварительного следствия, так и дознания. В этом плане границы российского уголовного процесса по-прежнему остаются трудноопределимыми [6].

Сказанное свидетельствует, что происходит существенное изменение объема полномочий следователя. Изначально в УПК РФ имело место значительное ограничение следователя в вопросах возбуждения уголовного дела (на это требовалось согласие прокурора). Однако в 2007 году происходят значительные изменения в уголовном процессе: следователь не только получает возможность самостоятельно возбуждать уголовные дела, но наблюдается и перераспределение полномочий между прокурором и руководителем следственного органа [7]. Указанное позволило наделить следствие большей процессуальной самостоятельностью. При этом разделение произошло не просто между разными субъектами, а разными ведомствами: функций предварительного расследования и надзора за этой деятельностью [8]. В статьях 46-47 УПК РФ содержится процессуальное право потенциальных обвиняемых на получение информации: в чем лицо подозревается, обвиняется. Гарантии предоставления информации по российскому законодательству шире так как подозреваемого или обвиняемого осведомляют обо всех правах, которыми он обладает согласно УПК РФ. Чтобы обвиняемый был заинтересован в активной помощи при раскрытии преступления и изблечению своих соучастников, в российском уголовном процессе появился институт «досудебного соглашения о сотрудничестве» (Глава 40.1 УПК РФ) то, что раскаивается обвиняемый помогающий расследованию, приговариваются к меньшему наказанию, чем его не раскаивающиеся соучастники - это конечно правильно. Думается, что нормы главы 40.1 нуждаются в доработке: следователь должен иметь возможность направлять одно уголовное дело в отношении всех обвиняемых, в частности, заключивших указанное соглашение, а суд проверив в ходе судебного разбирательства выполнение всех условий, мог бы назначить наказание с положением части второй и четвертой ст. 62 УК РФ [9]. Для государства идея процессуальной экономии может быть реализована в изменении процессуальной формы.

Согласно ФЗ от 04.03.2013 года № 23 в главу 32.1 УП КРФ была включена сокращенная форма дознания. Специфика сокращенной формы дознания не должна порождать клонирование таких процессуальных действий, как получение объяснений до возбуждения уголовного дела без весомых на то причин с предстоящими допросами. Указанное копирование процессуальных действий - объективное препятствие цели создания данной формы дознания. Необходимо помнить, что судебная проверка доказательств (сведений, сообщенных до возбуждения уголовного дела) отсутствует в виду того, что такая процедура в данном случае законом не предусмотрена (часть 2 ст. 226.9 УПК РФ). Таким образом объяснение лиц, полученных до возбуждения дела, имеет доказательственное значение (часть 2 ст. 17 УПК РФ) [10]. Сложившаяся практика подтверждает тот факт, что вопрос о доказанности вины подозреваемого решается в ходе досудебной проверки. Отмечается, что про-

цедуры упрощённого и ускоренного производства уже показали свою эффективность на практике. [11].

На сегодняшний день можно наблюдать все более непоследовательно изменяющиеся критерии дифференциации уголовно-процессуальной формы. Примером могут служить дела о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, в которых актуально введение в УПК РФ преюдиций решения арбитражных судов, которые содержат некоторые процессуальные особенности: заключения под стражу в качестве меры пресечения и основания для прекращения уголовного дела [12].

Исследование дифференциации уголовно-процессуальной формы является одними из приоритетных направлений российской науки уголовно-процессуального права. На сегодняшний день не выработан перечень критериев, которые могли помочь дифференцировать уголовно-процессуальную форму. Современный процесс стремится к созданию двух видов форм: усложненных и упрощённые (ускоренных и сокращённых). Каждая из них имеет как свои достоинства, так и недостатки. [13]. Необходимо отметить, что в процессе совершенствования уже имеющихся процессуальных форм обязательно должны быть учтены следующие критерии: обеспечение прав личности, быстрота и экономичность процедур, полнота и всесторонность обстоятельств совершения преступлений [14].

Процессуально функции прокурора в концентрированном виде заключаются в реализации от имени государства уголовного преследования в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия (часть 1 ст. 37 УПК РФ). В настоящее время, процессуальное положение прокуратора в досудебном производстве существенно изменилось. Он лишен одного из основных прав - возбуждения уголовного дела, данные полномочия перешли к руководителю следственного органа [15].

Европейский союз планирует создать наднациональный орган уголовного преследования за финансовыми преступлениями и мошенничеством против интересов ЕС, к компетенции которого будет отнесено расследование уголовных дел и возможность поддержания обвинения в национальных судах государств членов ЕС. При этом предполагается наделить европейских прокуроров всей полнотой власти, предоставленной национальным органом уголовного преследования. Таким образом, регламент о европейской прокуратуре устанавливает сложную процедуру взаимодействия между европейской прокуратурой, национальными правоохранительными органами и судом. Проводимая гармонизация уголовного законодательства закрепляет единую процедуру следствия по уголовным делам и суде (в части наделяния европейской прокуратуры полномочиями по поддержанию обвинения в суде), в месте с тем для производства ряда следственных действий и для стадии судебного производства нормы носят отсылочный характер к национальному уголовному процессу с законом государства членов ЕС, в которых будет проводиться следственные действие или рассмотрение уголовного дела в суде. Делаем вывод о значительном расширении трансграничных полномочий национальных правоохранительных органов и судов в уголовном процесс, можно говорить также о стремлении ЕС разработать общий для всех государств членов минимальные стандарты защиты прав подозреваемых и обвиняемых [16].

Существует различные виды судебной юрисдикции. Процесс специализации и образование особых компетенций в судебных системах европейских стран приводит к тому, что судебные органы утрачивают монополию на разрешение конфликтов, а специализация фактически выступает переходным механизмом от традиционного рассмотрения к квазисудебному и несудебному (досудебному). Напротив, в отечественном опыте, децентрализация судебной власти часто встре-

чает противодействие сформировавшихся традиций управления: правосудие является исключительной монополией централизованной государственной системы судов. Практики досудебного (квазисудебного) урегулирования конфликтов не имеют популярности в отечественной правовой системе. Приоритетом развития отечественной судебной системы является централизация. Соответственно направления создания новых судебных юрисдикций вступает в определенное противоречие с задачами централизации судебной системы и обеспечения в толковании норм права [17]. Данная тенденции Российской судебной системы отражается в: 1) упразднении ВАС; 2) реализации выделения в системе судов общей юрисдикции апелляционных и кассационных окружных судов с полноценным повторным судебным следствием; 3) идея введения следственного судьи – с желанием переформатировать континентальный судебный процесс в англосаксонский.

Думаем, что следователь не является стороной в процессе, так же как не является стороной и прокурор, осуществляющий надзор в досудебном производстве. Сторона обвинения возникает уже на стадии судебного разбирательства. Задача следствия состоит в том, чтобы объективно расследовать уголовное дело. Качественное рассмотрение дела может завершаться и превращением дела, и передачей его в суд. Прекратить дело после расследования - не менее важное решение, как и раскрытие уголовного дела с обвинительным заключением [18]. Суд является гарантом прав личности, а не орган уголовного преследования. Данное обстоятельство учтено и законодателем при повороте к худшему в апелляции: оно может быть осуществлено не иначе как по инициативе стороны обвинения [19].

Обвинительный уклон - традиционное явление российского уголовного судопроизводства [20]. Сторона обвинения как начинает, так и завершает судебное производство, формируя доказательную базу по делу на свое усмотрение, а также принимает решение о передаче дела в суд. Что касается стороны защиты, то можно усмотреть формальный характер её деятельности: как правило, требования и ходатайства не имеют обязательного характера для следствия, а собранные сведения признаются нелегитимными [20]. При этом презумпция невиновности кажется декларативной, иначе, как минимум четверть дел заканчивалось бы вынесением оправдательных приговоров. Подобные решения «не в моде», они по сегодняшнему представлению дискредитируют работу правоохранительной системы [20]. Директива ЕС 2016 /343 Европейского парламента об усилении невиновности гарантирует членам государства, что бремя доказывания вины подозреваемых и обвиняемых лежит на обвинении. Так же государство члены должны гарантировать, что какие-либо сомнения виновности лица, в том числе оцениваемые судом, должны приводить к оправданию лица [21].

В действующем отечественном уголовно-процессуальном законодательстве имеется возможность предъявления гражданского иска о возмещении вреда, причинённого преступлением, при котором потрепавший – истец, а обвиняемый – ответчик. Российское законодательство предусматривает возможность компенсации вреда после вступления приговора в законную силу в рамках и гражданского судопроизводства, при этом приговор будет иметь преюдиционное значение при рассмотрении дела в гражданском процессе [22]. Сущность преюдиции – правило доказывания в уголовном судопроизводстве, которое заключается в обязанности признания без дополнительной проверки фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, если они установлены вступившим в законную силу приговором (апелляционным приговором) либо решением суда в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве, разрешившим дело по существу [23].

Особый интерес заслуживают тезисы С.В. Власовой

на тему: трансформация уголовного права и процесса в условиях развития цифрового права.

Прежде всего следует подвергнуть критике тезис о праве на иск как части права на самозащиту. Наверное, в данном примере было бы достаточно правовой позиции КС РФ, согласно которой не предполагает надление потерпевших правом определять необходимость осуществления в уголовном преследовании в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на него уголовной ответственности; такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений принадлежит только государству; вид и мера ответственности лица, совершившего преступления, должны определяться исходя из публично-правовых интересов, а не частных интересов потерпевших; определение пределов ответственности и наказания должно обуславливаться волеизъявлением потерпевшего [24].

Основная мысль С. В Власовой основывается на 4 составляющих: 1) «перестройка уголовно-процессуальной модели по уголовно-процессуальному типу означает отказ от фигуры следователя и формированию доказательств в суде»; 2) стороны вправе собирать и предавать информацию в суд «любыми носителями»; 3) функция уголовного преследования осуществляется также общественным (народным) обвинителем; 4) полномочия по преследованию можно делегировать роботу [25].

Основной идеей изложенных пунктов является отказ от смешенного типа уголовного процесса и переход к состязательной англо-саксонской модели.

На наш взгляд, сегодня ликвидировать следователя, который является центральной фигурой судопроизводства – значит завтра негосударственный обвинитель не сможет сформулировать сущность обвинения, определить пределы доказывания, более того, не сможет представить суду значимые сведения. Как, верно отмечает А.М. Багмет: деятельность следователя направлена на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод. Таким образом, отказаться от принципа публичности в досудебных стадиях – рано. Однако, следственную монополию может разрешить право прокурора на непосредственное возбуждение публичного обвинения в суде без предварительного расследования. Это возможно по делам о преступлениях, совершаемых в условиях очевидности, а также по делам, возбуждаемым на основании ОРД, где протоколы следственных действий дублируют сведения, содержащиеся в этих материалах [26]. Думается, что данная мера не только приведет к совершенствованию судопроизводства, но и проявит истинную картину с раскрываемостью преступлений.

Говоря о переводе процесса на «цифровые рельсы» из статьи С.В. Власовой до конца не понятно, что в её понимании является роботом, какими функциями автор хочет его наделить, как именно он будет решать поставленные перед ним задачи.

В отечественной юридической доктрине неоднократно высказываются предложения о внедрении цифровых технологий, например, системы искусственного интеллекта (далее-ИИ), технологии «блокчейн» в деятельности судов, органов расследования и ОРД [27], данные предложения поступают исходя из таких характеристик технологий как надежность, возможность обработки большого объема информации в короткие промежутки времени, объективность. Например, данные технологии могут помочь преодолеть проблему, которую описывает А.М. Багмет: отказ в возбуждении уголовного дела, как способ укрытия преступлений и ограничения конституционного права миллиона граждан на доступ к правосудию [28]. В данном случае технология, проанализировав большой объем информации способна, если и не принять самостоятельно решение: возбуждать или не возбуждать, то дать рекомендацию либо может само-

стоятельно принимать решения по шаблонным делам, с целью разгрузить следователя [29].

Здесь же стоит обратить внимание на то, что преступность стремительно развивается и обозначенные технологии могут использоваться и используются и в противоправных целях. Более того на сегодняшний день подавляющее большинство технологий существуют за пределами правового поля и юридического сообщества находится в активном обсуждении их правового статуса.

В связи с этим при внедрении каких-либо технологических решений в деятельность государственных органов прежде всего следует уделить внимание нормативной составляющей, при этом во избежание каких-либо противоречий в будущем на международной арене, учитывать международную практику.

Например, «Европейскую этическую хартию по использованию ИИ в судебных системах и их среде» [30]. Хартия закрепляет пять принципов применения ИИ в судебных системах в целях повышения эффективности и качества правосудия.

Первостепенное значение имеет принцип уважения основополагающих прав: обеспечить разработку и внедрение инструментов и услуг, основанных на искусственном интеллекте, соответствующих основным правам. Далее, принцип недискриминации: определенным образом препятствовать развитию или усилению любой дискриминации между отдельными лицами или группами лиц; принцип качества и безопасности: при обработке судебных решений и данных, необходимо использовать сертифицированные источники и нематериальные данные с применением моделей, разработанных на междисциплинарной основе, в безопасной технологической среде; принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности: сделать методы обработки данных доступными и понятными, разрешить проведение внешнего аудита; принцип контроля пользователем: избежать предписывающего подхода и позволить пользователю выступать в роли информированного лица, ответственного за свой выбор.

Полагаем, что данные принципы должны учитываться в процессе создания законодательства, регламентирующего внедрения и использования ИИ, возможно, и других технологий в деятельности органов государственной власти. Внедрение обозначенных технологий является неизбежным процессом, как верно отмечает Д.А. Пашенцев – достижение национальных целей, поставленных Президентом, [31] создаст необходимость в усовершенствовании механизмов правоприменения, в частности, процессуального законодательства. Указанное позволяет говорить о возможности постепенной интеграции правоприменительной практики и новых цифровых технологий, которые обладают значительным практическим потенциалом, более того использование этих технологий позволит повысить эффективность всех стадий правоприменения [32].

Стоит отметить, что цифровые технологии уже используются в практической юриспруденции, в частности в деятельности судов.

Например, в США используются алгоритмы, оценивающие риски рецидива. По данным одного из исследовательских центров в Вашингтоне [33], инструменты оценки рисков используются во всех штатах для предоставления судьям информации об освобождении под залог до суда, вынесении приговора и условно-досрочном освобождении. Алгоритм позволяет предположить, кого можно освободить на каждом этапе уголовного судопроизводства. Несмотря на то, что такие современные инструменты оценки риска применяются на всех стадиях уголовного судопроизводства, они изначально были разработаны для оказания помощи судьям в принятии определенных решений после вынесения приговора, например, планирование наиболее подходящих стратегий лечения правонарушителей (например, консультирование по вопросам психического здоровья) [34].

Одним из наиболее широко используемых инструментов оценки в США является COMPAS, программное обеспечение для оценки рисков, разработанное специально для судов. Его цель - способствовать вынесению решений, ориентированных на данные, посредством оценки — основанной на 137 вопросах, на которые ответил правонарушитель во время допроса, и на информации, полученной из криминального прошлого правонарушителя — и, в конечном счете, снизить рецидивизм и повысить общественную безопасность [35]. Пособием оценки предыдущего отчета и криминологических факторов, таких как социально-экономический статус и стабильность, семейное положение, занятость и т.д. алгоритм предоставляет отчет, включающий расчетную оценку риска по шкале от 1 до 10, классифицируя преступника как лицо с высоким/ средним/ низким риском по трем гистограммам, а именно: досудебный, общий и насильственный рецидив.

Также стоит указать тот факт, что AI (от англ. Artificial intelligence — искусственный интеллект.) допускает ошибки, и связано это с тем, что нейронные сети учатся на данных, которые предоставляет человек. Так, учеными было выявлено, что при оценке риска рецидива алгоритм предвзято относился к темнокожим преступникам, даже если риски рецидива стремились к нулю. На это повлиял материал, на котором учился алгоритм [36].

Как видно из приведенного примера, не роботы участвуют в деятельности суда, а AI. Алгоритм, анализируя большое количество предоставляемой информации дает результат, параллельно с этим обучаясь и совершенствуясь. Однако, нельзя опускать тот факт, что AI в деятельности судов является вспомогательным инструментом, который не подменяет собой суд. Даже если предположить, что робот неизвестного происхождения и принципа действия, о котором пишет С.В. Власова и появится, то он будет функционировать схожим образом, не подменяя собой участников процесса, а являться вспомогательным инструментом.

Аналогичная ситуация будет обстоять и с оцифровкой процесса в России. Велика вероятность, что будет меняться преимущественно форма, без изменения содержательной части, то есть фундаментальные институты уголовного процесса (например, в лице следователя) останутся неизменными, а отказ от «следственной услуги», явно на прямую к цифровизации отношения не имеет.

При этом, говоря о цифровизации стоит отметить, что имплементация цифровых технологий в законодательство должно базироваться на определенных принципах. В частности, принципе обоснованности — внедрение каких-либо технологических решений должно быть обосновано (должны учитываться положительные и отрицательные стороны технологии при её использовании), заранее предусмотрены механизмы минимизации возможных рисков. При этом должен быть соблюден принцип нормативной определенности, что предполагает создание нормативного акта, регламентирующего процедуру цифровизации, указанный принцип прежде всего отражает положение конституции, что Россия есть правовое государство и законодательная деятельность должна соответствовать положениям конституции. Должен быть учтен и принцип ответственности, согласно которому автоматизация сферы публичного управления не должна приводить к безответственности субъектов, вовлеченных в эти процессы. Цифровизация сферы публичного управления — объективное проявление развития государственности: становление цифрового государства. А трансформация законодательства и законодательного процесса является одним из элементов такого процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что цифровые технологии увеличивают эффективность ра-

боты человека в любых видах деятельности, в том числе судей, следователей, прокуроров, адвокатов и других представителей юриспруденции. Однако, технология на сегодняшний день не достигла такого уровня развития, чтобы полностью заменить собой кого-либо из участников процесса, радикально и резко изменить, заменив собой формирующиеся десятилетиями большую часть институтов уголовного процесса. Любые преобразования, которые безусловно будут, должны быть экспериментально проверены и законодательно одобрены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мартыничук Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоритко-методологические основы доктрины адвокатского расследования. М.: Юрист, 2009. 170 с.
2. Смирнов А.В. Исторические формы уголовного процесса: учебное пособие. СПб. 2002. 230 с.
3. Концепции развития российского законодательства / Отв. ред.: Тихомиров Ю.А., Хабриева Т.Я. М.: ИздСП, 2014. 128 с.
4. Костанов Ю. А. Состязательность по УПК: принцип правосудия или камуфляж произвола // Уголовный процесс. 2018. № 5. - С. 84-91.
5. Головки Л.В. Фундаментальные особенности российского уголовного права и процесса с точки зрения сравнительного правоведения // Закон. 2013. № 7. С. 88 - 96.;
6. Бахтеев Д.В. О некоторых новых технологиях и их воздействии на следственную деятельность. Библиотека криминалиста № 3 С. 5-9.
7. Александров А. И. Предварительное следствие в уголовном процессе России: между прошлым и будущим // Российский следователь. 2018. № 3. С. 30-35;
8. Актуальные проблемы прокурорской деятельности: курс лекций / под ред. О.С. Капиус. Москва: Проспект. 2017. 150 с.
9. Артамонова Е. А. Изъявление обвиняемым (подозреваемым) желания на изменение процессуальной формы – первый шаг к существенному снижению наказания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. №1. С. 60-63.
10. Лазарева В.А. Проблемы допустимости доказательств в свете Ф3-23 // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 1(30). С. 100-107;
11. Свечникова Е.И., Сержантова Л.А. Участие свидетеля в сокращенной форме дознания // Библиотека криминалиста. 2017. № 1 (30). С. 132-138.
12. Козьявн А. А., Миленина А. В. Новейшие тенденции уголовно-процессуальной политики в России // Библиотека криминалиста. 2017. № 1 (30). С. 65-74.
13. Гладышева О. В., Шипицина В.В. О понятиях процессуальной формы, ее сущности и назначении в уголовном судопроизводств // Библиотека криминалиста 2017. № 1. С. 46- 53.
14. Шадрин В.С. Уголовно-процессуальная политика наука и уголовное судопроизводство // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 1(30). С. 42-46.
15. Быков В.М. Правовое положение прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 30 - 34.
16. Гармонизация уголовно-процессуального законодательства в Европейском союзе: монография / под ред. Е. М. Сорокина. М.: Юстициформ, 2018. 236 с.
17. Замышляев Д. М. Виды судебных юрисдикций: сравнительно-правовой и исторический подход: автореф. дис. кандидат. юрид. наук. М. 2016. 28 с.
18. Головки Л.В. Прекращение дела после расследования – такое же ценное решение, как раскрытое преступление с обвинительным заключением // Уголовный процесс. 2016. № 1 (133). С. 20–29.
19. Победкин А.В. Содержание уголовно- процессуального права как выражение объективной социальной потребности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 3 (26). С. 110 – 118.
20. Корнуков В.М. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: мифы и реальность // Библиотека криминалиста. Науч. журнал. 2017. № 1 (30). С. 82-86.
21. Корнакова С. В., Щербаков В. А. Цель доказывания должна быть нормативно закреплена в УПК РФ // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. №1. С 75-81.
22. Лопатин С. А. Реализация или преодоление преюдиции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. к.ю.н. М. 25 с.;
23. Мацкевич П.Н. Преюдиция в гражданском и административном производстве России: автореф. канд. юрид. наук. М., 2016. 28 с.
24. Агеев А. А. О совершенствовании уголовно-процессуального механизма в условиях цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 3. С. 9-19.
25. Власова С.В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9-18.
26. Маслов И. В. Некоторые критические замечания «к вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности» // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3. С. 69—76.
27. Апостолова Н.Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 135-

140.

28. Багмет А.М. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела и законности принимаемых им решений. // *Российская юстиция*. 2019. № 8. С. 31-34.

29. Зенин С.С. Понятие и принципы цифровизации законодательного процесса: теоретико-правовая трансформация. // *Российская юстиция*. 2019. № 8. С. 4-9.

30. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. // URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-16809860f4> (дата обращения 18.01.2020 г.)

31. Указ президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (доступ из СПС КонсультантПлюс)

32. Пащенко Д.А. Правовые средства реализации национальных целей Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) // *Российская юстиция*. 2019. № 8 С. 2-4.

33. "Algorithms in the Criminal Justice System". *Electronic Privacy Information Center* <https://epic.org/algorithmictransparency/crim-justice/>. (дата обращения 18.01.2020 г.)

34. Liu Han-Wei, Lin Ching-Fu, Chen Yu-Jie, "Beyond State v. Loomis: Artificial Intelligence, Government Algorithmization, and Accountability". *International Journal of Law and Information Technology*. p.5. (https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3313916. (дата обращения 18.01.2020 г.)

35. Julia Angwin, Jeff Larson, Surya Mattu, Lauren Kirchner, "Machine Bias". *ProPublica Portal*. <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (дата обращения 18.01.2020 г.)

36. Algorithms Should've Made Courts More Fair. *What Went Wrong?* <https://www.wired.com/story/algorithms-shouldve-made-courts-more-fair-what-went-wrong/> (дата обращения 18.01.2020 г.)

Статья поступила в редакцию 11.05.2020

Статья принята к публикации 27.11.2020